

The History of Byzantine and Eastern Canon Law to 1500 / Ed. by W. Hartmann, K. Pennington. Wash. (D. C.): The Catholic University of America Press, 2012. (History of Medieval Canon Law; [4]). XVIII, 356 p.¹

В составе авторитетной книжной серии «История средневекового канонического права», издаваемой Католическим университетом Америки, опубликован новый (четвертый) том, посвященный церковному праву Византии и т. н. Восточных Церквей. Эта книга занимает в указанной серии особое место, поскольку во всех остальных ее томах (как изданных, так и запланированных) речь идет только о праве Западной Церкви.

Следует отметить, что подготовка рецензируемого издания осуществлялась практически в идеальных условиях. Работа над книгой велась около 20 лет, с начала 1990-х гг., при организационной и финансовой поддержке ряда немецких и американских научных центров и благотворительных фондов (см. р. VII–VIII), ее авторами и редакторами выступили крупные ученые — историки Церкви и церковного права (принадлежащие к различным конфессиям, национальным научным школам и даже к разным поколениям исследователей)². При этом ставилась весьма масштабная и актуальная задача: создать обобщающий труд, который — пожалуй, впервые в мировой науке — полностью бы описывал «обширную историю восточно-христианского канонического права» (р. VII). Поэтому мы считаем возможным подходить к оценке данной книги с максимально высокой «планкой требований».

Уже название книги вызывает несколько недоуменных вопросов. Прежде всего, что означает формулировка «византийское и восточное право»? По отношению к западному (католическому) церковному праву, как легко заметить, византийское тоже является восточным. Из вступления к гл. 5 (р. 215–220) становится ясно, что под «восточными» понимаются правовые системы как ряда Православных Церквей (вначале мелькитских патриархатов, а затем и Грузинской Церкви), так и «нехалкидонских». Но странным образом к числу «восточных» не были отнесены Русская, Сербская и Болгарская Церкви; во всей книге имеется лишь несколько беглых упоминаний о переводе некоторых византийских правовых сборников на славянский язык, в то время как рецепция византийского права в арабской, армянской или грузинской церковной

¹ Рецензия подготовлена при финансовой поддержке РФНФ (проект № 14-31-01246).

² Рецензируемое издание состоит из пяти тематических глав, написанных такими признанными специалистами в области истории источников церковного права, как Х. Оме (гл. 2), С. Троянос (гл. 3 и 4), Г. Кауфхольд (гл. 5). Небольшая первая глава принадлежит перу молодой исследовательницы С. Вессель (историк Церкви и патролог из Католического университета Америки). Редакторами книги являются известные канонисты В. Гартман и К. Пеннингтон.

среде рассматривается достаточно подробно. От этого несомненно страдает полнота рецензируемого издания, которое, по-видимому, планировалось как очерк *всех* церковно-правовых систем средневековья, выходящих за рамки католического права.

Далее, почему в хронологическом отношении работа ограничена 1500 годом? Византия, а соответственно и византийское церковное право как *действующая* правовая система, перестала существовать за полстолетия до этого; что же касается христианских Церквей на Ближнем и Среднем Востоке, то вообще непонятно, почему выбран такой хронологический рубеж (если имеется в виду граница средних веков и новой истории, то для указанного региона, где средневековые порядки сохранялись по меньшей мере до XIX в., она неприменима). Использование в названии книги термина «каноническое право» тоже представляется нам небесспорным (к этому мы вернемся далее, при анализе гл. 3 и 4). Но главная претензия к названию состоит в том, что оно намного шире действительного содержания книги. Фактически издание почти целиком посвящено памятникам церковного законодательства — но озаглавлено почему-то «История канонического права», а не «История источников канонического права» (заметим, что известное пособие С. Трояноса, переработкой которого являются гл. 3 и 4 рецензируемой книги, называется «Источники византийского права» [Οἱ πηγὲς τοῦ βυζαντινοῦ δικαίου]³, а не «Византийское право»).

К сожалению, книга не снабжена предисловием («acknowledgments» его отнюдь не заменяют), где разъяснялась бы концепция издания, говорилось бы о ходе работы над ним, принципах редактирования и т. д. Из подписи редакторов под «благодарностями» (р. VIII) можно лишь понять, что общее редактирование книги было окончено в 2010 г.; когда именно было завершено написание (и редактирование) отдельных ее глав, остается неизвестным⁴. О редакторской же работе мы узнаём из «благодарностей» только то, что редакторы «не настаивали на унификации (системы передачи иноязычных имен собственных. — А. Б.), уважая пожелания авторов» (р. VIII). Не этим ли объясняется то, что в гл. 2 слово *Συναγωγή* (Синагога) — название одного из древнейших церковно-правовых сборников Византии, составленного Иоанном Схоластиком, — несколько раз

³ *Τροιάνος Σπ. Ν.* Οἱ πηγὲς τοῦ βυζαντινοῦ δικαίου: Εἰσαγωγικὸ βοήθημα. Αθήναι: Κομοτηνή, 1986 (1999², 2011³).

⁴ При внимательном чтении становится понятно, что по крайней мере некоторые главы были написаны задолго до 2010 г. Так, в гл. 4 С. Троянос отмечает, что критическое издание юридических сочинений Димитрия Хоматиана «в настоящее время готовится» Г. Принцингом (р. 195). Издание это, как известно, вышло в свет еще в 2002 г. (Demetrii Chomateni Ponemata diaphora: [Das Aktencorpus des Ohrider Erzbischofs Demetrius Chomatenos] / Rec. G. Prinzing. Berolini; Novi Eboraci, 2002. (CFHB; 38)). Очень странно, что ни автор, ни редакторы не стали при подготовке книги к печати пересматривать текст почти десятилетней давности — хотя бы с целью обновления библиографических указаний.

передается как «Synogoga» (р. 26, 33, 53, 66), хотя там же встречается и правильная транслитерация — «Synagoga» (например, р. 57)?

Отсутствие полноценного редактирования легко заметить при анализе справочного аппарата издания, в частности, имеющегося в нем внушительного списка сокращений (р. IX–XVI). В тексте книги встречаются как нераскрытые сокращения (например, р. 93, 112, 132, 143, 146, 149), так и случаи употребления полных выходных данных тех публикаций, которые вошли в этот список (к примеру, р. 138, 163, 233 п. 45). В самом списке присутствуют неточности: для знаменитой энциклопедии Паули–Виссова дается два разных сокращения (как для двух разных изданий); 2-е, дополненное, издание «Источников византийского права» С. Трояноса, вышедшее в 1999 г., именуется «репринтом» 1-го издания; не упомянуто о наличии репринта магистерской диссертации В. Н. Бенешевича (Leipzig, 1974); не указаны книжные серии, в которых вышли труды Э. Хонигмана (Subsidia hagiographica, 35) и римское издание актов Константинопольского патриархата (Fonti, ser. II, fasc. 3–4); одно сокращение дается для двух совершенно разных статей С. Трояноса (помещенных через запятую, словно это переиздания одной и той же работы или части продолжающейся публикации), и т. п. Книга снабжена двумя указателями — «соборов и синодов» (Index of Councils and Synods [р. 343–344]) и предметно-именным (General Index [р. 345–356]). При этом непонятно, в чем разница между «соборами» и «синодами» и почему упоминания всех остальных правовых памятников, за исключением соборных канонов, надо разыскивать в предметно-именном указателе (в т. ч. под именами патриархов или императоров, издавших те или иные акты). Почему не был составлен единый указатель источников, разбитый на тематические подразделы (допустим, каноны соборов, каноны св. отцов, новеллы императоров, законодательные сборники и др.)? Почему в существующем указателе «соборов и синодов» нельзя было для каждого собора привести отдельно те страницы, где упоминается не собор в целом, а тот или иной изданный им канон? (При том порядке, который принят в издании, читатель, желающий узнать, не говорится ли в книге, к примеру, о 15-м каноне I Вселенского Собора, вынужден просматривать десятки страниц, на которых встречается название этого Собора.) Ответа на эти вопросы мы в рецензируемой книге не находим. Кроме того, в указателях допущены пропуски (например, отсутствует Эльвирский Собор, хотя его 63-й канон упомянут в тексте [см. р. 19 п. 46]; пропущены три упоминания Иоанна Зонары [см. р. 161, 179, 186]; в указателе отсутствует имя Евстафия Ромея⁵). В основной части книги характе-

⁵ Этот выдающийся византийский юрист, деятельность которого важна и для истории церковного права (особенно семейного), упоминается в книге лишь один раз (р. 205 п. 120), а о сборнике материалов его судебной практики — знаменитой «Пире» — не говорится совсем. О Евстафии и «Пире» см.: *Бондач А. Г. Евстафий Ромей // ПЭ. Т. 17. 2008. С. 320–324.*

ристика каждого правового памятника или группы памятников предваряется библиографической справкой (с указанием изданий, переводов и исследований соответствующего источника). Однако остается неясным, какие критерии использовались при отборе литературы для них. Заметно, между прочим, что исследования на новогреческом и в особенности на русском языке учтены в этих справках в минимальном объеме, да и то непоследовательно (и зачастую — с ошибками в библиографических описаниях [см., например, р. 121, 141]). Налицо и отсутствие единообразия в ссылках на стандартные справочники и публикации источников: так, в гл. 2 для одних соборных и святоотеческих канонов указаны номера по СРГ, а для других — нет; публикации канонов в составе Пидалиона и в издании Ж.-Д. Манси то указываются, то нет; в большинстве случаев в справках не упоминается публикация канонов в «Древнеславянской Кормчей» В. Н. Бенешевича⁶, хотя в примечаниях ссылки на это издание есть (см., например, р. 47 п. 100; р. 66 п. 215). Некоторые важные издания не указаны совсем: например, в гл. 3 не упоминаются *editiones maiores* Дигест и Кодекса Юстиниана⁷, новое издание Пандектов Никона Черногорца⁸ и др. Научная литература, посвященная памятнику, указывается то весьма подробно, то кратко, а порой и вообще не приводится — так, например, произошло с Исагогой (р. 150)⁹.

Структура основной части книги, отраженная в оглавлении, тоже вызывает определенное недоумение. Во-первых, в названиях гл. 1, 3 и 4 говорится о «праве» (например, гл. 4 — «Византийское каноническое право в XII–XV вв.»), в то время как гл. 2 именуется «Источники греческого канонического права до Пято-Шестого Собора...», а гл. 5 — «Источники канонического права в Восточных Церквях». В действительности же во всех главах (быть может, за исключением первой и одного раздела четвертой) речь идет, главным образом, об источниках права в тот или иной период (самое большое — о состоянии отдельных правовых институтов; информацию о них можно почерпнуть из пересказа содержащихся в источниках правовых норм)¹⁰, но никак не о церковно-правовой системе — «праве» — в целом. Во-вторых, бросается в глаза терминологическая неразбериха: гл. 1 посвящена «церковному праву» (*ecclesiastical law*), а все остальные — «каноническому праву» (*canon law*); в гл. 2 рассматривается «греческое право», а в гл. 3 и 4 — «византийское право». Наконец, в хро-

⁶ Бенешевич В. Н. Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований. Т. 1. Вып. 1–3. Спб., 1906–1907 (Lpz., 1974⁴).

⁷ *Digesta Iustiniani Augusti*: [Editio maior] / Rec. Th. Mommsen. Vol. 1–2. Berolini, 1870; *Codex Iustinianus*: [Editio maior] / Rec. P. Krueger. Berolini, 1877.

⁸ Пандекты Никона Черногорца в древнерусском переводе XII века (юрид. тексты) / Изд. подгот. К. А. Максимович. М., 1998.

⁹ Ср. подробную библиографию в нашей статье: Бондач А. Г. «Исагога» // ПЭ. Т. 27. 2011. С. 50–52.

¹⁰ Кроме того, в гл. 1 и 2 содержатся сведения об истории церковных Соборов, а в гл. 5 — краткие обзоры исторического развития различных Восточных Церквей.

нологическом отношении главы частично пересекаются друг с другом: гл. 2 доведена до Трулльского Собора включительно (691–692 гг.), тогда как гл. 3 называется «Византийское каноническое право до 1100 г.» и начинается, что неудивительно, не с 693 г., а намного раньше — с IV–V вв. Явно надуманным является и деление истории византийского церковного права на два этапа: до и после 1100 г., как это вытекает из названий гл. 3 и 4 (этот вопрос мы еще затронем при рассмотрении данных глав). Из дальнейшего чтения становится ясным, что и временные рамки первых двух глав отчасти совпадают, поскольку в каждой из них говорится, помимо прочего, о церковно-правовых памятниках III–IV вв. (при этом каноны Анкирского и Неокесарийского Соборов рассматриваются в обеих главах, а святоотеческие каноны доникейского периода — почему-то только в гл. 2).

Картину неудовлетворительной редакторской работы дополняют такие «незначительные» детали, как расхождения в датировках Соборов в разных главах, не сопровождаемые какими-либо пояснениями (ср., например, р. 17 и 41; 48 и 116), и ошибки в перекрестных ссылках — когда примечания к гл. 2 отсылают читателя к гл. 4 вместо гл. 3 или к гл. 5 под видом гл. 4, причем указываемые страницы не имеют никакого отношения к делу (см. р. 25 п. 6; р. 27 п. 17), или даже принимают такой вид (р. 50 п. 114; р. 60 п. 173): «See below, 000», «...see p. 000 at n. 205» (!).

Перейдем теперь к непосредственному рассмотрению содержания книги. В гл. 1 («Формирование церковного права в ранней Церкви» [р. 1–23]) С. Вессель, основываясь на новозаветных текстах, литургико-канонических памятниках, писаниях мужей апостольских и некоторых иных источниках, пишет о зарождении и развитии в доникейский период различных церковных институтов, показывая, как изменялся статус епископа и клириков, порядок совершения Таинств, что представлял собой епископский суд и т. д. Одновременно она затрагивает важные общетеоретические вопросы: о соотношении морали и права, месте Св. Писания среди источников церковного права, влиянии ветхозаветных норм на раннехристианское церковное законодательство и др. Правда, не со всеми ее суждениями можно согласиться¹¹. Но все равно написанная

¹¹ К примеру, она пишет, что в канонах Анкирского Собора устанавливалась мера моральной ответственности (р. 19), хотя очевидно — в том числе и из предыдущих рассуждений самой С. Вессель — что эта ответственность была юридической. Утверждение о том, что «епископ отвечал за заключение браков» между членами раннехристианской общины (р. 7), со ссылкой на известное высказывание Игнатия Богоносца (πρέλει δὲ τοῖς ὑαδοῦσι καὶ ταῖς ὑαδοῦμένας μετὰ ὑώμης τοῦ ἐπίσκοπου τὴν ἑνωσιν ποιῆσαι [Ep. ad Polycarp. V, 2]) выглядит совсем неубедительно — поскольку вплоть до IV в. мы не находим в источниках каких-либо конкретных сведений ни о церковном обряде заключения брака, ни тем более о правовой регламентации такого обряда (слова же сщмч. Игнатия, видимо, следует понимать в смысле морального одобрения епископом брака, заключаемого по общепринятой светской процедуре). Не можем не отметить и весьма странный отзыв об Иоанне Зонаре (как о «выдающемся византийском монахе и схоластике»), сделанный мимходом (р. 20). Нам не известно о каких-либо аскетических подвигах Зонары, осно-

С. Вессель глава выделяется на фоне остальных глав рецензируемой книги, где преобладает формальный анализ источников, в лучшем случае — с пересказом содержащихся в них норм права. Особый интерес вызывает итоговый вывод исследовательницы, пытающейся определить, каким образом система правовых норм стала регулятором общественных отношений в ранней Церкви. По мнению С. Вессель, этому способствовали два фактора: формирование иерархической структуры Церкви (монархический епископат, соборы епископов) и утверждение в сознании христиан «концепции права» или «идеи права» (р. 22–23). Она, однако, не выделяет какой-либо из этих факторов в качестве решающего. Нам же представляется несомненной ключевая роль первого из них, ибо только общепризнанные органы церковной власти могли обеспечить реализацию церковно-правовых норм, а уже эта практика в свою очередь способствовала появлению «концепций права».

Однако данная глава имеет и серьезные недостатки. В самом ее начале мы встречаемся с произвольным употреблением юридической терминологии. Только в одном абзаце (р. 2) упоминаются какой-то «корпус церковного права» (возникший, видимо, уже в раннехристианский период), его последующая «кодификация» (в виде «сборников канонов Вселенских Соборов и папских декреталий»), а также «дисциплина», бывшая — наряду с «поведением» и «организацией» — предметом правового регулирования в Церкви. Мы отдаем себе отчет в том, что все эти выражения издавна и широко употребляются в церковно-правовой литературе. Но это не означает, что они имеют здесь какой-то смысл и что следует продолжать некритически пользоваться ими. В самом деле, термин «корпус права» должен означать некий вполне определенный свод правовых норм, зафиксированных в конкретных сборниках законодательства (например, *Corpus iuris civilis* или *Corpus iuris canonici*). Ни о чем таком применительно к византийскому (тем более раннехристианскому) церковному праву говорить не приходится. Далее, кодификацию права не следует путать с его инкорпорацией; при всей условности признаков кодификации, выделяемых теоретико-правовой наукой, есть принципиальная разница между, например, нашей Книгой правил (или даже византийским Номоканоном 14 титулов), с одной стороны, — и Декретом Грациана или современным католическим Кодексом канонического права, с другой (при создании юридических сборников в первом случае источники права были объединены и сгруппированы по хронологическому или предметному признаку, во втором же — подвер-

---

вании им новых монастырей и т. п.; не был он и автором сочинений о монашеской жизни (более того, один из его канонических трактатов посвящен критике крайних монашеско-аскетических взглядов на супружество и половую жизнь). Зонара знаменит своими учеными трудами, в особенности — подробным комментарием к церковным канонам и обширной всемирной хроникой (а не какими-то «схолиями»; в этом смысле эпитет «схолиаст» явно преуменьшает его литературные заслуги).

глись более или менее глубокой *содержательной* переработке)¹². Что же касается «дисциплины» (вариант — «церковной дисциплины»), то этот «термин» вообще не имеет конкретного значения: он может обозначать и церковное законодательство, и правопорядок в Церкви, и различные обрядовые и организационные нормы («дисциплина поста», «покаянная дисциплина» и проч.), и ответственность за церковные правонарушения, и т. д. и т. п.¹³.

В следующем абзаце можно наблюдать подмену предмета исследования, которая, возможно, осталась незаметной даже для автора и редакторов. Сказав, что «развитие церковного права в ранний период» может изучаться двумя различными способами, С. Вессель начинает излагать суть первого способа: «...источники (права. — А. Б.) следует систематизировать...» Именно здесь и происходит неявное отождествление *права* и *источников права* (или законодательства, или правовых норм), которое характерно не только для этой главы и для книги в целом, но и для подавляющего большинства церковно-правовых исследований. После этого уже не столь важно, как будет анализироваться нормативный материал: путем разбиения его на предметные рубрики в соответствии с позднейшими (и во многом искусственными) схемами составителей церковно-юридических сборников — либо на основе рассмотрения каждого правового памятника в целостном виде, как это предлагает делать автор гл. 1 (притом, что сам по себе второй подход представляется нам более продуктивным). Ведь в обоих случаях из поля зрения исследователя исчезают данные как о *правовой практике*, так и о *правосознании*, — вместе с целыми пластами исторических источников, где эти данные содержатся. Неудивительно поэтому, что в гл. 1 не рассматриваются ни жития святых, ни патристические тексты, относящиеся к первым векам христианства (за исключением писаний мужей апостольских). Указанные обстоятельства, конечно, существенно снижают ценность наблюдений и выводов, сделанных С. Вессель.

В гл. 2 («Источники греческого канонического права до Пято-Шестого Собора (691/692): Соборы и отцы Церкви» [р. 24–114]) Х. Оме рассматривает каноны III–VII вв., включенные позднее в официальные канонические сборники Православной Церкви: т. н. Апостольские правила, каноны Вселенских и Поместных Соборов и святоотеческие каноны. Сама идея о том, что историю церковного права следует излагать, выделяя в особую группу каноны (как якобы уникальные по форме и

¹² На наш взгляд, за всю историю Византии церковное право ни разу не было кодифицировано в строгом смысле слова; можно, правда, считать попыткой его кодификации, хотя и весьма своеобразной, Алфавитную синтагму Матфея Властаря (1335 г.).

¹³ С его употреблением в рецензируемой книге мы сталкиваемся далее, при обсуждении канонов Анкирского Собора (р. 18), где помимо собственно «дисциплины» говорится о «дисциплинарных проблемах», «дисциплинарных правилах» и «дисциплинарных мерах».

исключительно важные по содержанию источники права) и в первую очередь описывая их и закрепленные в них нормы права, а затем переходя к иным источникам, представляется нам теоретически несостоятельной¹⁴ и антиисторичной¹⁵. Но даже если признать допустимость такого подхода (как дань научным традициям), то возникает вопрос: почему в рецензируемом издании каноны VII Вселенского Собора и Поместных Соборов в Константинополе 861 и 879–880 гг. были оторваны от более ранних, хотя они точно так же входят в православные общецерковные сборники канонов? Х. Оме поясняет, что все дело в особом значении Трулльского Собора, многочисленные каноны которого стали «конечной стадией развития канонического права ранней Церкви» (р. 79, см. также р. 25). Важность канонов этого Собора для истории церковного законодательства очевидна¹⁶, но остается непонятным, в чем же все-таки состоит принципиальная разница между канонами III–VII вв., с одной стороны, и VIII–IX столетий — с другой (последние рассматриваются в гл. 3 [р. 143–150]).

Некоторые суждения автора гл. 2 об основных изданиях канонов являются весьма сомнительными или просто ошибочными. Во-первых, Х. Оме объявляет «единственным критическим изданием из доступных в настоящее время» издание П. П. Иоанну (р. 26) — хотя сам тут же отмечает, что Иоанну позволял себе вносить произвольные дополнения в публикуемый материал¹⁷, последовательно проводил в своем издании тенденциозный католический подход к истории церковного права (в частности, опубликовал в качестве «канонов VIII Вселенского Собо-

---

¹⁴ Уже в силу того, что с формальной стороны каноны представляют собой не более чем одну из разновидностей нормативно-правовых актов (за исключением некоторых особых случаев вроде II Всел. 4, когда в тексте канона сформулирован судебный прецедент или зафиксирован правовой обычай), не имеющую существенных отличий, например, от государственных законов.

¹⁵ Например, невозможно отрицать серьезное влияние императорского законодательства Византии на содержание канонических норм; кроме того, каноны постепенно «обрастали» схолиями, а позднее — и подробными авторскими комментариями, иногда серьезно менявшими их первоначальный смысл; наконец, в средневековых рукописях каноны обычно находились в составе церковно-юридических сборников, порой очень сложного состава, а значит, воспринимались читателями (включая церковных судей, чиновников и др.) в соответствующем контексте. Чтобы понять, как регулировались те или иные церковные правоотношения в определенный период, следует зачастую обращаться не столько к канонам, сколько к императорским новеллам или к упомянутым в каких-нибудь «неюридических» источниках правовым обычаям.

¹⁶ Отметим, кстати, что вскоре после выхода в свет рецензируемой книги было опубликовано критическое издание актов (в т. ч. канонов) Трулльского Собора в серии АСО (2), о подготовке которого упоминает Х. Оме (р. 79). См.: *Concilium Constantinopolitanum a. 691/2 in Trullo habitum (Concilium Quinisextum)* / Ed. H. Ohme, R. Flogaus, Chr. R. Kraus, B., 2013. (АСО (2); Ser. 2, vol. 2, pars 4).

¹⁷ Далее Х. Оме подробно пишет об этой, с позволения сказать, «эдиционной практике» (р. 96–97, 107–108, 111). В частности, «правило» Пс.-Афанасия Александрийского, направленное на ограничение прав супругов (СРГ. 2303), Иоанну опубликовал среди канонов свт. Афанасия (!).

ра» постановления, принятые Константинопольским Собором 869 г.), а главное, что изданный им греческий текст канонов в основном взят из подготовленного В. Н. Бенешевичем (и, заметим, в подлинном смысле критического) издания Синагоги Иоанна Схоластика¹⁸. Во-вторых, автор указывает, что в т. 1–4 «Афинской синтагмы» издан Номоканон 14 титулов якобы в редакции 883 г. (р. 27), хотя на самом деле в этом издании текст Номоканона помещен в том виде, какой он приобрел к XII–XIII вв. Далее из его изложения можно понять, что в издании И. Леунклавия¹⁹ находится, между прочим, и Алфавитная синтагма Властаря (р. 27 п. 17); здесь, видимо, Леунклавий перепутан с Г. Беверегием, впервые опубликовавшим сборник Властаря в своем «Синодиконе»²⁰.

Несмотря на эти огрехи общего характера, гл. 2 содержит много полезной информации о конкретных Соборах, св. отцах и принадлежащих им канонах. Автор дает канонам довольно подробную характеристику как с формальной стороны (датировка, история текста, общецерковное признание, вхождение в важнейшие церковно-правовые сборники и др.), так и с содержательной²¹. Последнее обстоятельство в какой-то мере позволяет читателю получить представление о развитии ряда церковно-правовых институтов в рассматриваемый период. Отметим, что Х. Оме специально останавливается на некоторых источниковедческих проблемах (происхождение т. н. Апостольских правил, датировка канонов Антиохийского Собора и др.), в принципе уже решенных специалистами, но зачастую до сих пор получающих в литературе ошибочное освещение (см. р. 28–32, 44–45). Кроме того, нам кажется удачным методический прием автора, который отказался в расположении материала от строгой хронологической последовательности в пользу того порядка Соборов, который был принят в ранневизантийских канонических сборниках (см. р. 25, 26). Благодаря этому удастся, в частности, подчеркнуть степень исторической важности того или иного Собора и его канонов (к примеру, исключительную роль I Вселенского Собора или то, что каноны Карфагенского Собора длительное время оставались неизвестными в Византии).

Приводимые автором сведения о канонах и содержащихся в них нормах права являются, насколько мы можем судить, достаточно точными. К небольшим погрешностям следует отнести атрибуцию послания, выдержка из которого вошла в канонические сборники в качестве II Всел. 7, Геннадия Константинопольскому (р. 50, ср. СРГ. 5983; впрочем, в другом месте [р. 112] автор уточняет, что послание это свт. Геннадия не при-

¹⁸ А также из другого издания Бенешевича — «Древнеславянской Кормчей», о чем Х. Оме почему-то здесь не упоминает (ср. р. 40 п. 76).

¹⁹ *Iuris Graeco-Romani tam canonici quam civilis tomus duo...* / Ed. I. Leunclavius, M. Freherus. T. 1–2. Francofurti, 1596 (Farnborough, 1971¹).

²⁰ *Συνοδικόν, sive Pandectae canonum SS. Apostolorum et Conciliorum ab Ecclesia Graeca receptorum...* / Ed. G. Beveregius. Oxonii, 1672. Т. II. Pars 2. P. 1–272.

²¹ По непонятным причинам, однако, раздел о канонах Карфагенского Собора ограничен их кратким формальным описанием, а содержание канонов не рассматривается.

надлежит), а также утверждение, что первым из греческих канонических сборников, в который вошло собрание канонов Карфагенского Собора, является Синтагма 14 титулов (без уточнения о том, что *часть* карфагенских канонов, видимо, была несколько ранее включена в канонический Синописис²²).

В гл. 3 и 4 («Византийское каноническое право до 1100 г.» [р. 115–169] и «Византийское каноническое право в XII–XV вв.» [р. 170–214]) С. Троянос дает очерк истории источников церковного права в Византии. Подчеркнем, что (в отличие от гл. 2 и вопреки названиям) речь идет именно о церковном праве, ибо в этих главах наряду с источниками внутрицерковного происхождения рассматриваются — в аспекте их значения для регламентации церковной жизни — разнообразные памятники византийского государственного законодательства, которые никак нельзя назвать «каноническими» (понятно, что, например, Кодекс Юстиниана или Эклога не имеют никакого отношения к канонам). Кроме того, значительное место здесь отведено анализу церковно-правовых сборников смешанного состава, типа Номоканона 14 титулов или Синтагмы Властаря, куда вместе с канонами входили выдержки из светских законов и некоторые другие источники права, в силу чего считать такие сборники «каноническими» тоже невозможно.

Две эти главы, написанные выдающимся знатоком византийского церковного права, производят странное впечатление. По сути, перед нами — сильно сокращенный вариант «Источников византийского права» (по-видимому, за основу было взято второе издание, хотя за год до публикации рецензируемой книги появилось третье, дополненное), причем заметно ухудшенный: произвольно разделенный на две части²³, с плохо продуманной композицией²⁴ и отсутствием должного внимания к важнейшим памятникам византийского права²⁵. Если издатели стре-

---

²² См.: *Zachariae von Lingenthal K. E. Die Synopsis canonum: Ein Beitrag zur Geschichte der Quellen des kanonischen Rechts der griechischen Kirche // Sitzungsberichte der königlich-preussischen Akad. der Wiss. B., 1887. S. 1151–1152 (Nachdr.: Idem. Kleine Schriften. Lpz., 1973. Bd. 2. S. 251–252).*

²³ В 1100 г., выбранном в качестве границы между двумя периодами (и, соответственно, главами), никаких значимых событий в истории византийского права, да и в истории Византии в целом, не произошло. Ср. с тем, как выстроена периодизация у С. Трояноса в «Источниках византийского права»: эпоха Юстиниана; правление преемников Юстиниана (т. е. «Темные века»); от воцарения Македонской династии до 1204 г.; от 1204 г. до падения Византии. Такое хронологическое деление, привязанное к политической истории Византии, выглядит намного более естественным.

²⁴ Многие правовые памятники IX–XI вв. рассматриваются не в третьей главе, а в четвертой — в прямом противоречии с ее названием (см. р. 190–191, 198, 204, 210–211). Явно не на своем месте находится в гл. 3 раздел о соборных канонах VIII–IX вв. (р. 143–150), помещенный после описания Номоканона 14 титулов (в редакции 883 г.) и даже сборников Никона Черногорца (XI в.!).

²⁵ На *все* законодательство Юстиниана, включая Новеллы, отведено 4,5 страницы (р. 125–129; любопытно, что почти столько же места занимает раздел о таком небольшом и второстепенном источнике, как канонический Синописис, см. р. 120–124), а Василики

мились сделать пособие С. Трояноса доступным для читателей, не владеющих новогреческим языком, то почему нельзя было перевести его на английский полностью (или с минимальными сокращениями)?

Перечислим также ряд неточных и ошибочных суждений по конкретным источниковедческим вопросам, обнаруженных нами в тексте гл. 3 и 4. Нельзя согласиться с тем, будто название «номоканон» не употреблялось ранее XI в. (р. 137); в действительности это слово стало использоваться намного раньше²⁶. Сомнительно, что выдержки из законодательства Юстиниана были заимствованы составителем Номоканона 14 титулов «в основном из *Collectio tripartita*» (р. 139). В. Н. Бенешевич, выводам которого об истории номоканонических сборников во многом следует С. Троянос, подробно рассмотрел этот вопрос и доказал, что эксцерпты из светского законодательства в Номоканоне 14 титулов происходят не из *Collectio tripartita*, а из других сборников, составленных на основе Кодекса, Дигест, Институций и Новелл Юстиниана²⁷. Далее, если именовать редакцию Номоканона 883 г. «вторым изданием» этого сборника (р. 140), то надо пояснять всю условность этого традиционного названия, иначе у читателя может возникнуть ошибочное представление, будто в 883 г. первоначальный вариант Номоканона был просто дополнен некоторыми новыми текстами. На самом же деле в период между возникновением Номоканона 14 титулов и 883 г. появилось *восемь* редакций этого памятника, существенно отличающихся друг от друга по структуре и составу²⁸, и редактору 883 г. (вероятно, свт. Фотию Константинопольскому) пришлось немало потрудиться, чтобы привести в порядок этот разнородный материал. Неточно излагаются в гл. 4 обстоятельства биографии Иоанна Зонары (р. 177): монахом он стал не «в конце жизни», а в ее середине или даже в первой половине (после смерти Алексея I Комнина); должность «великого друнгария виглы», которую он занимал на государственной службе, к нач. XII в. давно уже перестала быть связана с командованием дворцовой гвардией и приобрела чисто гражданский характер: великим друнгарием стал называться председатель императорского суда²⁹. Наконец, Алфавитная синтагма Властаря ошибочно, на наш взгляд, названа С. Трояносом «энциклопедией церковного права» (р. 185). Сборник Властаря напоминает энциклопедию или словарь лишь внешне, своей алфавитной структурой, предназначение же его совсем иное: Синтагма Властаря — это не кабинетный справочник церковно-правовых терминов и

(крупнейший законодательный свод Византии!) и Прохирон даже не были удостоены самостоятельного раздела — они лишь бегло упоминаются при рассмотрении Новелл Льва VI.

²⁶ См.: Бенешевич В. Н. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII века до 883 г. СПб., 1905 (Lpz., 1974^r). С. 105–113.

²⁷ См.: Там же. С. 207–227.

²⁸ См.: Там же. С. 116–321.

²⁹ Об истории должности друнгария см.: *Guillard R. Recherches sur les institutions Byzantines*. T. I. B.; Amsterdam, 1967. P. 563–587.

понятий, а предназначенный для нужд практики свод нормативного материала, в котором правоприменитель мог бы быстро отыскать нормы, регулирующие тот или иной институт церковного права.

В то же время нельзя не отметить наличие в гл. 4 специального раздела, посвященного правоприменительной практике византийских церковных судов (на материале судебных актов Иоанна Апокавка, Димитрия Хоматиана, постановлений патриаршего суда и др. [р. 192–198]), причем С. Троянос справедливо подчеркивает важность сопоставления законодательства с практикой его применения. Следовало бы, конечно, не ограничиваться общей характеристикой соответствующих массивов документов, а проанализировать хотя бы несколько конкретных судебных актов. Тем не менее благодаря этому разделу гл. 4 выгодно отличается от всей остальной книги, где такое понятие, как юридическая практика, вообще не упоминается.

Написанную Г. Кауфхольдом гл. 5 («Источники канонического права в Восточных Церквях» [р. 215–342]) в силу специфики ее предмета и большого объема следовало бы разобрать отдельно; здесь мы ограничимся краткими замечаниями.

В начале данной главы отмечается важная роль «общего канонического наследия» Восточных Церквей. В самом деле, весьма интересен тот факт, что различные церковные общины на Христианском Востоке, несмотря на имевшиеся между ними догматические разногласия, зачастую пользовались одними и теми же источниками права (преимущественно ранневизантийского происхождения: канонами Вселенских и Поместных Соборов IV в., Апостольскими правилами, выдержками из творений св. отцов IV–V вв. и др.). Здесь же автор указывает, что после исламского завоевания постепенно меняется язык ближневосточных церковно-правовых памятников: греческие и сирийские тексты, характерные для раннего периода, начинают вытесняться арабскими переводами. Затем рассматриваются отдельные этноконфессиональные правовые традиции: мелькитская, западно-сирийская (яковитская), маронитская, коптская, эфиопская, восточно-сирийская (несторианская), армянская и грузинская; описание каждой из них предваряется небольшими справками об истории соответствующей Церкви и о связанных с ней литературных памятниках. Подробно описываются разнообразные источники церковного права, как переводные, так и оригинальные (постановления Соборов и патриархов той или иной Церкви, монашеские уставы и проч.); особое внимание автор уделяет систематизированным правовым сборникам. К сожалению, богатый источниковедческий материал, собранный в гл. 5, не сопровождается (как и в других главах рецензируемой книги) *содержательным* анализом церковно-правовых систем. Укажем для сравнения на обобщающую работу В. Зельба, где в описании восточно- и западносирийского церковного права история источников

гармонично сочетается с историей институтов³⁰. Думается, что и рассматриваемую нами главу можно было бы дополнить систематической характеристикой хотя бы наиболее важных правовых институтов (будь то статус клириков, церковный суд или брачное право).

Все сказанное выше позволяет прийти к заключению о том, что рецензируемое издание не достигло поставленной перед ним цели. Отсутствие продуманной концепции, совершенно неудовлетворительное качество редактуры, низкий теоретико-правовой уровень привели к тому, что вместо детального анализа церковно-правовых систем Византии и других православных стран на разных этапах их истории, которого следовало бы ожидать от книги с таким названием, в распоряжении читателя оказалось несколько недостаточно хорошо связанных между собой текстов, содержащих более или менее подробные сведения о памятниках церковного законодательства (византийского и «восточного»). Использование такой книги как в учебных, так и в научных целях представляется проблематичным. Создание же полноценного обобщающего труда по истории православного церковного права в средние века остается одной из важнейших задач церковно-правовой науки.

А. Г. Бондач

---

³⁰ См.: *Selb W. Orientalisches Kirchenrecht. Bd. 1: Die Geschichte des Kirchenrechts der Nestorianer (von den Anfängen bis zur Mongolenzeit). W., 1981; Bd. 2: Die Geschichte des Kirchenrechts der Westsyrier (von den Anfängen bis zur Mongolenzeit). W., 1989. (Österreichische Akad. der Wiss., Sitzungsberichte der philos.-hist. Klasse; 388, 543).*